Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЗАПОЛЯРЬЕ

ОРГАН ВОРКУТИНСКОГО ГОРКОМА КПСС
И ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 8 (826)

Суббота, 11 января 1958 г.

Цена 15 коп.

Удачный дебют

Недавно Воркутинский драмтеатр показал новую свою работу — пьесу А. П. Чехова «Дядя Ваня». Это была серьезная проверка творческих сил нашего театра. Известно, что многие театральные коллективы терпели неудачу, бравшись за постановку чеховских драм, не сумев раскрыть их своеобразия.

Коллективу Воркутинского театра удалось, хотя и не без некоторых погрешностей, осуществить чеховский спектакль. И это потому, что постановщик спектакля главный режиссер театра Н. Г. Гайдаров удачно подобрал исполнителей главных ролей и прежде всего роли Войничского — дяди Вани, именем которого названа пьеса.

Печальная судьба многих лучших представителей провинциальной интеллигенции старой России находила свое отражение в произведениях А. П. Чехова и до создания «Дяди Вани». В драме же «Дядя Ваня» эта тема приобретает трагическое звучание потрясающей силы. Два замечательных человека — самоотверженный, благородный дядя Ваня и умный, энергичный, поистине талантливый Астров — погибают в тисках торжествующего самовластия, задыхаются в смрадном мещанском болоте.

Двадцать пять лет работал дядя Ваня, «как самый добросовестный приказчик», не щадя себя, не зная отдыха, чтобы материально обеспечить своего зятя (мужа сестры) Серебрякова, готовящегося в столице к ученой карьере. Он обрек себя и свою племянницу Соню на медленное, нищенское прозябание в четырех стенах, в тоске и одиночестве. Он отказался от всех земных благ, от личного счастья, на которое имеет право каждый человек, — все для того, чтобы любимец семьи не чувствовал себя связанным в чем-либо и успешно шествовал к сияющим вершинам науки.

Но действительность жестоко посмеялась над наивным и добрыми дядей Ваней. Он делает страшное открытие: Серебряков, которого он почитал, как бога, оказался бездарным, ничтожным человеком. Он «25 лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в нем. Пишет о том, что для умных давно уже известно, а глупым не нужно». Сознание того, что «прошлое нет, оно израсходовано по пустякам», что он «глупо обманут», потрясает дядю Ваню. Проснувшись, он поднимает «бунт» против рабской философии, пытается отомстить за свою погубленную жизнь, в отчаянии дважды стреляет в своего «злейшего врага» — Серебрякова, но все безуспешно. Слишком устойчиво господство серебряковых и слишком слаб протест, чтобы поколебать это господство. Дядя Ваня смиряется и, как прежде, работает все на того же тунеядца Серебрякова. Такова трагическая судьба человека, из которого, «если бы он жил нормально... мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский».

Артиста В. Н. Сусленикова ни в чем нельзя упрекнуть: он создал настоящего, чеховского дядю Ваню. Чистота и благородство души, доброта и бескорыстие, задушевность и чуткость — за эти прекрасные черты, так ярко выраженные игрой артиста, зритель полюбил дядю Ваню и проникся глубоким сочувствием к его страданиям. В продолжение всей пьесы В. Н. Суслеников играет одинаково взволнованно, темпераментно, а в некоторых местах (как, например, монолог со словами «Зачем я жил») даже с особым блеском.

Судьба земского врача Астрова во многом напоминает судьбу его друга — дяди Вани, но по характеру Астров неизмеримо выше. Дядя Ваня — заурядный человек, порой даже беспомощный. Астров — талант. «Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит дерево и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже ме-

рещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить...» — так говорит о нем Елена Андреевна, жена Серебрякова.

Попав в дикое захолустье, Астров сначала развил кипучую деятельность: самоотверженно, днем и ночью, работал он не только как врач. Всеми средствами борется он против варварского истребления лесов — красоты природы, сам неумоимо сажает новые леса.

Но к тому моменту, когда мы встречаемся с ним на сцене, Астров уже не тот. Беспросветное болото пошлой обывательской жизни затянуло и его. Глубокая усталость и полная апатия ко всему слышится в его словах: «Ничего я не хочу, ничего мне не надо, никого я не люблю...». Бесперывная борьба в одиночестве, в стороне от главных сил общественно-политической жизни, отсутствие ясной цели («У меня вдали нет огонька») — вот причина душевной опустошенности Астрова. Конечно, такой человек не мог быть истинным героем чеховской драмы. Но тем не менее он не может не быть нам близким.

Артист Д. Е. Доля, в основном играющий с увлечением, изображает Астрова несколько одномерно (против чего, кстати, предупреждал и сам А. П. Чехов) и от того зритель настроен к нему даже антипатично. Д. Е. Доля убедительно показывает настоящее Астрова, т. е. его безверие и душевный надлом. Но мы не видим того Астрова, который выражал чеховскую мечту о прекрасном человеке. Слов нет, Астров огрубел, даже стал пить. Но он еще не так пошел и циничен, как показывает его Д. Е. Доля. Это противоречит тому, что говорят об Астрове другие лица, например, Соня («Вы изящны, у вас такой нежный голос... Вы прекрасны»). Наконец, даже знаменитые астровские слова о том, что «в человеке должно быть все прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и мысли» произносятся актером неудачно. А ведь они очень важны в обрисовке характера Астрова. Не совсем ясно выражена и любовная линия Астров — Елена Андреевна. Не будь этих небольших упущений образ Астрова в исполнении артиста Д. Е. Доля мог быть более интересным.

Тема о пропадающей красоте — физической и душевной — получает в пьесе дальнейшее развитие в образах Елены Андреевны и Сони, также являющихся жертвами серебряковщины. Артистка Е. Ф. Семенюк, играющая роль Елены Андреевны, хорошо раскрывает внутренний мир своей героини, верно показывает ее бесцельность и пустоту жизни, ее душевную дряблость. Ведь «она только ест, спит... У нее нет никаких обязанностей, на нее работают другие... А праздная жизнь не может быть чистой» (слова Астрова).

Истинная красота может быть связана только с трудом — говорит А. П. Чехов. Не обманчивой внешностью, а прекрасными душевными качествами, любовью к людям, к труду хороша Соня. Артистка Х. Ф. Щербак, исполняющая роль Сони, сначала чувствовала себя не вполне уверенной. Казалось, ей не справиться с такой ношей. Но в дальнейшем она «разыгралась» и создала запоминающийся образ кроткой, доброй, великодушной девушки. Ее безропотная покорность судьбе, девическая непосредственность, нежное, глубокое чувство любви к Астрову, переходящее в обожание, и, наконец, ее мечта о «жизни светлой, прекрасной, изящной» — все это мы находим в игре артистки Х. Ф. Щербак.

В драме нет ни одного персонажа, который бы не тяготился неустроенностью жизни. И лишь один Серебряков — «старый сухарь, ученая вобла» — совершенно незаслуженно, паразитически пользуется плодами чужого труда и наслаждается жизнью. Он привык к тому, что десятилетиями носились с ним, как с божком, курили

ему фимиами, считали его светочем науки, властителем душ, и сам он уверовал в свое мнимое величие.

Артист А. Л. Дамье не покусился на краски для уничтожающей характеристики Серебрякова. Им верно схвачены жесты и интонации подобного рода вздорных, взбалмошных людей с их желчностью и ничтожным содержанием при внешней помпезности и напыщенности. Но желая как можно убедительнее выложить перед зрителем ничтожество Серебрякова, артисту часто изменяет чувство меры: он делает его слишком мелким и жалким, не представляющим серьезной силы. А это совсем не так. Хотя Серебряков, как отдельная личность, развенчан, но серебряковщина, как общественное зло, восторжествовала.

Таковы основные действующие лица драмы. Несколько слов следует сказать и о второстепенных лицах, без которых картина не будет полной. В роли обедневшего помещика, приживала Телегина — человека с рабской философией — успешно выступает артист А. И. Несмелов. Досадно только то, что он не проявил самостоятельности в создании внешнего рисунка Телегина, а взял его готовый портрет из мхатовской постановки.

Как всегда, своей простотой и жизненной правдивостью подкупает игра Заслуженной артистки Коми АССР Н. А. Гаргановой в небольшой роли няни Марины — доброй, славной старушки.

Артистке В. К. Рутковской в роли Войничской — матери первой жены Серебрякова — следует быть более «активной», поскольку она является, так сказать, телохранительницей «масгитого» профессора и единственным апологетом его «ученой славы».

Талантливая работа художника К. И. Гусева заслужила высокую оценку зрителей. Его декорации, особенно пейзажи, не являются фоном, а входят в спектакль органическим его компонентом, служат объяснению настроения действующих лиц. Когда, например, Серебряков хватается за грудь, говорит «Мне душно...», мы верим ему, потому что на сцене, действительно, как бы стоит предгрозовая духота.

Как видим, коллектив театра сумел донести до зрителя идею драмы «Дядя Ваня», повествующей, по словам М. Горького, о жизни, принесенной в жертву идола, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей.

В. ДУЛАЕВ.